

Незамеченное признание Михаила Орлова (О возможном адресате эпиграммы «Сказали раз царю...»)

А.И. Федута

Аннотация: Традиционно адресатом эпиграммы А.С. Пушкина «Сказали раз царю...» считается граф М.С. Воронцов. Основанием для этого являются поздние воспоминания декабриста Н.В. Басаргина. Критический анализ исторических обстоятельств и учет показаний М.Ф. Орлова заставляют поставить под сомнение однозначность этой версии.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, проблема адресата, эпиграмма, мемуаристика

Информация об авторе: Александр Иосифович Федута, к.ф.н., главный редактор издательства «Лимариус», Минск, Беларусь. E-mail: feodor1964@yandex.by

Одной из наиболее известных эпиграмм А.С. Пушкина является эпиграмма «Сказали раз царю...» (1825 г.):

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удувлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства¹.

---

¹ *Пушкин А.С.* <На Воронцова> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 193–1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. С. 378.

Традиционно считается, что ее адресатом был новороссийский и бессарабский губернатор М.С. Воронцов. Именно так считал впервые опубликовавший эпиграмму в 1861 г. Н.В. Гербель, утверждавший: «Написано по следующему случаю: Однажды за обедом во дворце, когда зашла речь о смерти Риэго, граф М.С. Воронцов (впоследствии князь и наместник кавказский) сказал: “Тем лучше: одним мерзавцем меньше!”»¹. При этом на источник данного «анекдота» Гербель не указывает, а сам он, что вполне естественно, при подобном разговоре, если таковой имел место, присутствовать не мог.

Основой для реконструкции исторического контекста «анекдота», изложенного Гербелем, для пушкинистов традиционно являются «Записки» декабриста Н.В. Басаргина, где сюжет передается следующим образом:

«После смотра был обед в лагере генерала Рудзевича. Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину коего занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел, сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: “Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier” [Господа, я вас поздравляю, Риэго схвачен (франц.)]. Все отвечали молчанием и потупили глаза, один только Воронцов воскликнул: “Quell heureuse nouvelle, Sir” [Какая счастливая новость, государь (франц.)]. Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию»². Именно на этот фрагмент ссылаются Б.В. Томашевский³, а вслед за ним Т.Г. Цявловская и другие сторонники версии о том, что адресатом пушкинской эпиграммы был именно М.С. Воронцов. При этом следует отметить, что в книжной версии «Записок» Н.В. Басаргина, выпущенных П.И. Бартевым в 1872 г. (с. 22), как и в публикации их в сборнике «Деятнадцатый век» (т. 1, с. 83) тем же Бартевым, вместо фамилии Воронцова стоит крип-

---

¹ Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений / [Под редакцией Н.В. Гербеля]. Берлин, 1861. С. 228.

² *Басаргин Н.В.* Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 71. Текст «Записок» подготовлен И.В. Порохом по авторским рукописям.

³ *Томашевский Б.В.* Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. / Под ред. и с примеч. Б.В. Томашевского. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 431 – и последующие переиздания.

тоним NN, что не исключает замены ее как по цензурным, так и самоцензурным соображениям издателя (Бартенев вел работу по подготовке к публикации сорокатомного «Архива князя Воронцова» и явно был не заинтересован в конфликте).

Сомнение в историческом правдоподобии версии Гербеля / Басаргина высказал Л.М. Аринштейн. Проанализировав текст письма Ф.-Р. Шатобриана Александру I, в котором вождь повстанцев Рафаэль Риго-и-Нуньес не упоминается, Аринштейн делает вывод: «всё, что Александр мог узнать из письма Шатобриана и с чем он, следовательно, мог поздравить присутствовавших на обеде в Тульчине — это с успешным окончанием войны против кортесов и с возвращением на престол Фердинанда»¹. Исследователь обращает внимание и на другие противоречия в истории, рассказанной декабристом: в частности, Басаргин путает даты посещения императором Тульчина; Воронцов расстался с императором за несколько недель до подавления испанского восстания, не был на описанном Басаргиным обеде и не встречался с Александром I после этого в период, когда судьба Риго была актуальной новостью. Аринштейн объяснил этот казус эффектом «вторичной мемуаристики» — смещением мемуаристами акцентов под влиянием пушкинской эпиграммы. Однако аргументы ученого услышаны не были², да и сам он не сомневался в том, что адресатом эпиграммы был, скорее всего, Воронцов.

При этом тема Риго вовсе не была актуальна для Воронцова: его имя не упоминается ни в одном из опубликованных писем М.С. Воронцова или его корреспондентов. Однако она была весьма актуальна для других — в частности, для будущих декабристов.

Г.С. Батеньков вспоминал: «Нас было в гостях молодежи человек до двадцати в тот день, как получено было известие: вдруг вошел

---

¹ Аринштейн Л.М. «Вторичная мемуаристика» в комментарии (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // Временник Пушкинской комиссии, 1981. Л., 1985. С. 10.

² С.А. Фомичев высказывает еще одно соображение в пользу того, что адресатом эпиграммы является именно Воронцов: по его мнению, в рабочей тетради эпиграмма записана на странице, которая «вся [...] посвящена М.С. Воронцову» — Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Т. 11. Л., 1983. С. 61. Однако, на наш взгляд, соседство с наброском другой эпиграммы «Он вежлив был в иных прихожих...» не может считаться достаточным аргументом, свидетельствующим, что у эпиграмм один адресат — к тому же, не указанный автором. Кроме того, общий контекст тетради шире «воронцовского» — скорее, он «южный» или «одесский».

Греч и громогласно объявил, что Риего повешен и в вящее его уничтожение оторваны самые бесчестные члены тела и сосланы сюда для положения в соборе на гроб Екатерины Великой. Самые умеренные и спокойные люди отзывались, что до Испании нет им никакого дела, но Риего имел полное право, как бы он ни действовал по крайнему своему разумению, протестовать против безумного и неблагодарного своего короля-мучителя»¹. Сочувственное по отношению к повстанцам описание казни было легально опубликовано Н.А. Бестужевым в «Полярной Звезде» на 1825 г.², при этом, согласно воспоминаниям Н.И. Греча, Н.А. Бестужев даже вступил в тайное общество под впечатлением расправы над соратниками Риего: «в Гибралтаре [...] видел он, как испанцы королевские расстреливали на перешейке взятых ими безоружных либералов, сообщников Риего, расстреливали как татей и разбойников, сзади»³. Наконец, А.С. Гангеблов рассказывал, как, обсуждая в кружке друзей различные темы из всеобщей истории, «не прошло и часу, как от древней истории, от Тиглат-Паласаров и Салманасаров, мы свернули на Риэго, недавно повешенного в Испании, а затем и на другие подобные материи, и так протолковали допоздна»⁴. Наконец, напомним К.Ф. Рылеева, искренне сожалевшего о том, что в «изнеженном племени переродившихся славян» восставший народ не найдет «ни Брута, ни Риэги»⁵. Нет сомнений в том, что в дискуссиях о тактике и стратегии революционного движения судьба лидера испанских либералов должна была быть одной из животрепещущих тем.

Кроме того, есть документальное – и опубликованное – свидетельство того, что на одном из обедов в Тульчине – фактическом центре Южного общества – судьба Риего, похоже, действительно обсуждалась – хотя и без участия императора и М.С. Воронцова. Об этом рассказывает в своих письменных показаниях Следственной Комиссии по делу декабристов М.Ф. Орлов. В частности, характеризуя

¹ *Батеньков Г.С.* Автобиографические рассказы в письмах // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Общая редакция Ю.Г. Оксмана: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 142.

² *Бестужев Н.А.* Гибралтар. Письмо III // Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / издание подг. В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 615.

³ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 419.

⁴ Воспоминания Александра Семеновича Гангеблова. Как я попал в декабристы и что за тем последовало // Русский архив. 1886. № 6. С. 219.

⁵ *Рылеев К.Ф.* «Я ль буду в роковое время...» // Рылеев К.Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 75.

заговорщиков, Орлов утверждает: «[...] американский федерализм, гишпанские происшествия, неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах. Они, казалось, отвергали силу обстоятельств и постепенность дарованных прав, а руководствовались одною только умозрительною теориею, не признавающею никаких оттенков в различии нравов и обычаев народных. Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что я сказал, что Риего (Riego) был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом, где было также много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде»¹.

М.Ф. Орлов не называет дату обеда и не называет присутствующих. Не называет он также и причин, побудивших его дать такую характеристику вождю испанских республиканцев. Однако трудно предположить, чтобы он лгал. Очевидно, что осуждение, высказанное в адрес вождя восставших испанцев, искреннее: Орлов сторонник, скорее, мирного реформирования политического строя и, вполне вероятно, не только в России.

Мог ли знать о таком отношении Орлова к Риего Пушкин? Напомним, что после отставки с поста командира 16-й пехотной дивизии (апрель 1823 года) Орлов проводит время в Крыму, Тульчине и Одессе, где также, как и в Кишиневе, общается с Пушкиным. Очевидно, что среди предметов, их занимавших, могла быть и судьба революционера: во всяком случае, и Пушкин, и Орлов высказываются по поводу привезенной П.А. Мухановым рукописи поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский», смысл которой обоим понятен². При этом Пушкин в этот период по взглядам, насколько можно судить, значительно радикальней Орлова. Скорее всего, именно тогда между опальным поэтом и отставным генералом происходит какой-то конфликт, на который Пушкин намекает в письме Н.Н. Пушкиной от 11 мая 1836 г.: «Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (XVI, 114)³.

¹ Показания генерал-майора Орлова 1-го // Орлов М.Ф. Падение Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 85.

² «Войнаровский, твой почтенный дитяtko, попал к нам в гости; мы его приняли весьма гостеприимно, любовались им; он побывал у всех здешних любителей стихов и съездил в Одессу. [...] Я читал его М. Орлову, который им любовался; Пушкин тоже» – Муханов П.А. Письмо К.Ф. Рылееву от 13 апреля 1824 г. // Муханов П.А. Сочинения. Письма. Иркутск, 1991. С. 191.

³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 114.

По нашему мнению, речь и может идти о противоречиях во взглядах, высказанных во время общения на Юге. И отношение к Риего, озвученное Орловым публично, вполне могло быть транслировано им и Пушкину.

Возникает вопрос: насколько реально, чтобы столь острый текст Пушкина адресовался именно Орлову. Во-первых, известны и другие характеристики, данные ему поэтом; в частности, в первых строчках послания «<В.Л. Давыдову>» он назван «Обритым рекрутом Гименя» – достаточно ироническая оценка плешивого новобрачного генерала; не говоря уже об унижительной для Орлова эпиграмме «Орлов с Истоминой в постеле...». Во-вторых, как справедливо отмечает С.Я. Боровой, Орлов «почти всегда кажется нам более “широким”, чем его сотоварищи по общественной деятельности и борьбе, но в то же время менее цельным и последовательным»¹.

В качестве доказательства приведем пример из записок Н.И. Тургенева: «Создание Царства Польского и особенно речь Александра при открытии сейма произвели в России изрядное волнение. [...] В сердцах людей – как свободных, так и рабов – дурные страсти всегда сильнее любви к добру и истине. Поэтому генерал Орлов составил некий меморандум против учреждений, только что дарованных Александром Польше, и хотел подать его императору. Он попытался собрать подписи некоторых генералов и влиятельных лиц и даже сумел уговорить некоторых. Но еще до представления этой бумаги о ней стало известно императору, и усилия генерала Орлова пропали даром, не возмев никаких последствий. Узнав об этом, я не преминул упрекнуть Орлова в узком понимании патриотизма, заявив, что только патриотизм раба мог продиктовать ему подобный протест. Он оказался настолько благороден, что отчасти признал мои упреки справедливыми»². Напомним, что, согласно одной из версий, М.Ф. Орлов должен был стать командующим войсками повстанцев³,

---

¹ Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 276.

² Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 50.

³ «Постановлено было в день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство над войсками князю Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы Орлов» – Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 122–123. – Показательно, что заменить Орлова должен был вполне умеренный по своим взглядам С.П. Трубецкой, что и произошло.

и характеристика, данная ему Н.И. Тургеневым, несколько корректирует наше представление о том, как именно воспринимали генерала его радикальные современники. И хотя известные нам эпиграммы Пушкина, адресатом которых выступает Орлов, носят бытовой характер, а не политико-полюемический, это не исключает и наличия «антиорловских» политических текстов.

Суммируя, мы можем сказать следующее.

Свидетельства Н.В. Гербея и Н.В. Басаргина о том, что М.С. Воронцов позволил себе публично одобрить казнь руководителя испанского восстания, относятся к середине 1850-х – началу 1860-х гг., в то время как признание М.Ф. Орлова в публичном осуждении Р. Риего и-Нуньеса сделано в 1826 г. При этом никто из рассказывавших историю о Воронцове сам при этом не присутствовал. Каких-либо иных источников, свидетельствующих об отношении М.С. Воронцова к Риего, также нет. Орлов же констатирует, что оценка Риего была дана им самим публично и что отношение к испанскому восстанию было одним из моментов принципиального расхождения его с молодыми радикалами из Южного общества.

Впрочем, и Северного также. Напомним, что К.Ф. Рылеев в процитированном нами выше стихотворении «Я ль буду в роковое время» (1824), ставит имя Риего рядом с именем Луция Юния Брута, предводителя восстания против царя римского Тарквиния Гордого¹.

Между апрелем 1823 г. (отставка М.Ф. Орлова) и отъездом А.С. Пушкина в Михайловское между ними наметились разногласия, о которых позже Пушкин и сообщает в письме к жене. Высока вероятность того, что разногласия носили не только человеческий, но и политический характер.

Нет оснований полагать, что история о высказывании царедворца в присутствии императора вообще имела место², а не была резуль-

---

¹ Обычно в комментариях – на наш взгляд, ошибочно – указывается имя Марка Юния Брута, убийцы Цезаря, однако упоминание Риего создает иной контекст – речь должна идти не о царубийстве, но о радикальном республиканстве.

² Как раз царедворец и не мог, на наш взгляд, выступить с заявлениями подобного рода. «Испанофилия» русского общества получила развитие после того, как в Великих Луках 8 (20) июля 1812 г. уполномоченными России и испанских кортесов был подписан договор о союзнических отношениях. Александр I пошел на это, рассчитывая на усиление борьбы испанцев с Францией. Напоминание об изменении испанской политики российского императора в его присутствии в сложившейся ситуации было, по меньшей мере, бестактностью. Ф.П. Фонтон со ссылкой на бывшего поверенного в

татом художественного осмысления поэтом сложившейся вокруг подавления испанского восстания и конфликтной ситуации с тем, кого он мог отчасти считать своим единомышленником (в данном случае — с М.Ф. Орловым). Само же отношение к судьбе Р. Риэги являлось для современников Пушкина одним из важных свидетельств единомыслия: одобрять казнь Риэги могли только крайние реакционеры.

Не считая высказанные нами аргументы достаточными, чтобы однозначно атрибутировать пушкинскую эпиграмму «Сказали раз царю...» как адресованную М.Ф. Орлову, мы вместе с тем убеждены, что дальнейшая публикация ее под редакционным названием «<На М.С. Воронцова>» также является недостаточно обоснованной. Более корректной, на наш взгляд, была бы публикация под названием «<Неизвестному>» с указанием в комментарии как на версию, изложенную в публикации Н.В. Гербеля и в записках Н.В. Басаргина, так и на аргументы Л.М. Аринштейна и на свидетельство в показаниях М.Ф. Орлова.

Литература

Аринштейн Л.М. «Вторичная мемуаристика» в комментарии (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // *Временник Пушкинской комиссии*, 1981. Л.: Наука, 1985. С. 10.

делах России в Мадриде (1811—1812), а затем заведующего дипломатической частью при великом князе Константине Павловиче (1814—1823) тайного советника барона П.О. Моренгейма описывает «шутку», подстроенную Константином по отношению к брату, возвращавшемуся после Веронского конгресса 1822 г., на котором Россия согласилась разорвать отношения с революционной Испанией. Истопник великого князя Еремей, отвечая на провокационный вопрос о том, какое правление есть наилучшее, указал на правление испанских народных представительных кортесов, аргументируя это тем, что правительство было признано Александром, заключившим с ним союз — см.: *Фонтоу Ф.П.* Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. В 2 т. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 28—30. — Понятно, что намек исходил не от истопника, а от его господина. При этом двойственность положения российского императора, разумеется, вряд ли была секретом не только для его брата и бывшего наследника, но и для высшего генералитета и чиновничества, к которому принадлежал Воронцов. Однако то, что мог себе позволить цесаревич Константин Павлович, отстраненный Александром от наследования престола и, несомненно, имевший право чувствовать себя оскорбленным и подшучивать над ним (пусть и устами своего истопника), не мог себе позволить М.С. Воронцов — сын посла в Италии и Англии, племянник и внучатый племянник двух государственных канцлеров, воспитанный с хорошим знанием придворного этикета.

Батеньков Г.С. Автобиографические рассказы в письмах // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под общ. ред. Ю.Г. Оксмана: В 2 т. М.: ГПИБ, 2008. Т. 2. С. 142.

Басаргин Н.В. Записки // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Вст. ст., подгот. текста И.В. Порох. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 541 с.

Бестужев Н.А. Гибралтар. Письмо III // Полярная Звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / издание подг. В.А. Архипов, В.Г. Базанов и Я.Л. Левкович. М.; Л.: Наука, 1960. С. 615.

Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Наука, 1963. 376 с.

Муханов П.А. Сочинения. Письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 496 с.

Показания генерал-майора Орлова 1-го // *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М.: Наука, 1963. 376 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / Издание подгот. Г.А. Невелевым. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. 480 с.

Рылеев К.Ф. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. 416 с.

Тургенев Н.И. Россия и русские. Пер. с фр. и ст. С.В. Житомирской, коммент А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. 742 с.

Фомичев С.А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука, 1983. С. 27–65.

References

Arinshtein L.M. «Vtorichnaia memuaristika» v kommentarii (Ob epigramme Pushkina «Skazali raz tsariu...») [Secondary Memoirs Commented (On Pushkin's Epigram "They Said Once to a King")] // *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1981* [Annals Pushkin Commission, 1981]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. p. 10. (In Russ.)

Baten'kov G.S. Avtobiograficheskie rasskazy v pis'makh [Epistolary Autobiographical Stories]. *Vospominaniia i rasskazy dejatelej tajnykh obshchestv 1820-h godov* [Memories and stories of secret societies figures 1820], Pod obshh. red. Ju.G. Oksmana: V 2 t. Moscow, GPIB Publ., 2008, t. 2. p. 142. (In Russ.)

Basargin N.V. Zapiski [Notes] // Basargin N.V. *Vospominaniia, rasskazy, stat'i* [Memories, stories, articles], Vst. st., podgot. teksta I.V. Poroh. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 541 p. (In Russ.)

Bestuzhev N.A. Gibraltar. Pis'mo III [Gibraltar. Letter III] // *Poliarnaia Zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], izdanie podg. V.A. Arkhipov, V.G. Bazanov i Ia.L. Levkovich. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1960. p. 615. (In Russ.)

Borovoi S.Ia. M.F. Orlov i ego literaturnoe nasledie [Orlov and His Heritage] // Orlov M.F. *Kapituliatsiia Parizha. Politicheskie sochineniia. Pis'ma* [The capitulation of Paris. Political writings. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 376 p. (In Russ.)

Mukhanov P.A. *Sochineniia. Pis'ma* [Works. Letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 496 p. (In Russ.)

Pokazaniia general-maiora Orlova 1-go [Testimonies of Major-general Orlov the First] // Orlov M.F. *Kapituliatsiia Parizha. Politicheskie sochineniia. Pis'ma* [The capitulation of Paris. Political writings. Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1963. 376 p. (In Russ.)

Rozen A.E. *Zapiski dekabrista*. [Notes of a Decembrist]. Izdanie podgot. G.A. Nevelevym. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 480 p. (In Russ.)

Ryleev K.F. *Sochineniia* [Works]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. 416 p. (In Russ.)

Turgenev N.I. *Rossiiia i russkie* [Russia and Russians]. Per. s fr. i st. S.V. Zhitomirskoj; Komment. A.R. Kurilkina. Moscow, OGI Publ., 2001. 742 p. (In Russ.)

Fomichev S.A. Rabochaia tetrad' Pushkina PD № 835 (Iz tekstologicheskikh nabliudenii) [Pushkin's Workbook PD 835 (From Textological Observations)]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. [Pushkin: Studies and Materials]. t. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 27–65. (In Russ.)

Unnoticed confession by Mikhail Orlov

(On the Probable Addressee of a “They Said Once to a King” Epigram)

Alexander Feduta

Abstract: It is traditionally thought that the addressee of Pushkin's epigram “They said once to a King” is count M.S. Vorontsov. This position is grounded on late memoirs of Decembrist N.V. Basargin. A critical analysis of historical events taking into account a certain M.F. Orlov's testimony makes one doubt the verity of this position.

Keywords: A.S. Pushkin, addressee problem, epigram, memoirs

Information about the author: Alexander I. Feduta, PhD, chief editor of Limarius Publishing House, Minsk, Belarus. E-mail: feodor1964@yandex.by